

ВОСТОК И ЗАПАД — В КАЖДОМ

Т. П. Григорьева

Тема Дао-Пути стала сейчас чуть ли не центральной в научной округе. Одна за другой выходят переиздания «Книги Перемен», в прекрасном оформлении, для научных работников, для домашних гаданий, и вообще, появляются работы «Дао физики», «Дао математики», «Дао генетики», только не «Дао человека». Труднее всего — заглянуть в себя. Вышла, правда, книга «Дао Юнга», но это скорей исключение¹. Дарование ученого и интуиция психолога помогли Юнгу войти в мир Востока. Но все его работы, так много давшие нашему пониманию самих себя, буквально кричат о том же: как же мало человек себя знает! Сократовское «Познай себя!» не очень нам пока помогло. Говоря это, я имею в виду западную цивилизацию. Подозреваю, что дело тут в изначально неверных посылах, принципиально отличных от восточного подхода к сути и месту человека в мире.

Если китайцы, к примеру, берут за исходное Небо, то древние греки, чьи мы до сих пор прямые философские наследники, — Землю. Это обусловило характер мировоззрений. Земля доступна человеку, познаваема, измерима. Человек может распоряжаться ею по своему усмотрению. При таком взгляде на вещи естественным образом рождается антропоцентризм греческого типа. Ощущая себя центром видимого мира, имеющего свои границы, человек не без успеха меняет, расширяет их, если потребуется — упраздняет и назначает новые. По сути дела, это не геоцентрическая и не гелиоцентрическая система, а исключительно гомоцентрическая, когда мир вращается вокруг нас и полностью от нас зависим. Со времен Гомера западный человек возомнил себя богоравным. «В мире много сил великих, Но сильнее человека нету никого» — это Софокл, «Антигона». А вот и Овидий, «Метаморфозы»: «И родился человек. Из сути божественной создан Был он вселенной творцом, зачинателем лучшего мира... Так земля, что была недавно безликой и грубой Преобразилась, приняла людей небылые обличья». Не замечая, что обличья эти все более тускнели, человек продолжал мнить себя центром Вселенной. Если же ты центр, то не подвержен сомнениям и чрезмерной рефлексии. И какой смысл так уж познавать себя, если ты и так равен Богу! Со временем эта вера внедрилась в подсознание, но что ушло в подсознание, остается навечно.

Христианские святые заострили внимание на падшести человека: «Душа в своих грехах, в гордой, извращенной и, так сказать, рабской свободе стремится уподобиться Богу. Так и прародителей наших оказалось возможным склонить на грех только словами: „будьте, как Боги“» (Св. Августин. О Троице. 11, 5, 8). Вообразив себя центром, гарантом порядка, человек стал его разрушителем. Часть окончательно заняла место Целого, сдвинулась ось зрения, цель и средство незаметно поменялись местами. И об этом писал Бл. Августин: «Бог привел все к единому порядку; этот порядок делает из мира „единое целое“. Эту целостность человек „разрывает“, предпочтя ей из личной гордости и личных симпатий, „одну часть“, „мнимое единство“. Он таким образом ставит „часть“ выше „целого“, достоинством, принадлежащим „целому“, он облакает „часть“» (См. «Исповедь Блаженного Августина», 3, 8).

Еще Аристотель в «Политике» противопоставил Целое — части: «Природа государства стоит впереди природы семьи и индивида: необходимо, чтобы целое предшествовало части». Это, само собой, чистая политика. И трагедия в том, что часть сообразуется ни с каким не с Целым, а с другой частью, провозглашенной именно Целым, подчиняется этой части якобы высшего порядка, обе они не свободны, а вне свободы все теряет нормальный смысл.

¹ Роузен Давид. Дао Юнга. Путь к целостности. Киев. «София», 1887.

В этом коварство части или психологии части, нейтрализующей дух. Неправда все более потесняет правду, и люди перестают замечать, что живут в перевернутом мире, хотя надуманный центр стремительно превращается в воронку. Но человек, уповая на себя, не замечал происходящего, а когда не замечать уже стало невозможно, начал искать виновного, обвиняя систему, Создателя, только не себя.

«Каков человек, таков и мир» — по Гегелю, т. е. человек остается протагоровой «мерой всех вещей», но эта мера стала уже угрожающей. Вместе с дробным человеком дробится действительность. «Исчезает человек как целостное существо, внутренне центрированное... Дробные и частичные элементы человека предъявляют права не только на автономию, но и на верховное знание жизни», — как справедливо отметил Бердяев². Фактически все войны, все распри, в том числе религиозные, происходят из-за этой искаженной меры, поставившей часть на место Целого. Этой «части» присуща возрастающая агрессивность, обратно пропорциональная уровню сознания, будь то имперские претензии государств или маниакальность сверхчеловека (в ницшеанском смысле). Не удивительно, что мир стал напоминать театр абсурда.

Этим и вызван интерес к Дао — Пути равновесия, вызван возрастающей неустойчивостью, шаткостью мира, уже привычными стихийными бедствиями. (Земля буквально горит у нас под ногами, в чем мы могли убедиться прошлым летом.) Похоже, распалась не только «связь времен», но и связь пространств, сама основа жизни разошлась в разные стороны и разверзлась бездна, что пророчили мудрецы Запада и Востока. «Бездна призывает бездну» (Псалом XLI, 8). Если нарушается Путь, расходятся Инь (вода) — Ян (огонь), в одном месте образуется избыток воды, наводнения; в другом — избыток огня, пожары. Значит, нарушен Путь. Великое Дао, «не достигая Предела, возвращается к истоку», — как писал Лаоцзы (Даодэцин. 25)³. В Ицзине, «Книге перемен», — это ситуация всеобщего Упадка (12-я гексаграмма): разбалансированы связи верха — низа, правого — левого. Исчезает взаимодействие Запада — Востока, юг восстает на север, север на юг. Причина же — в неблагополучии самого человека: зарвавшаяся «мера вещей» не ведает, что творит. Эта ситуация назревала давно. Можно вспомнить очерк Эмерсона «Природа»: «Задача возвращения миру его изначальной и вечной красоты разрешается исцелением души. Те руины, та пустота, которые мы обнаруживаем в природе, на самом деле находятся в нашем собственном глазу. Причина того, что миру недостает единства, что он лежит в развалинах и нагромождениях, состоит в утрате человеком единства с самим собой»⁴.

Век спустя обостряется чувство тревоги: «все разорвано, враждебно одно другому, выпало из глубины, то есть, не духовно» (Н. Бердяев «Царство духа и царство Кесаря»). Похоже, это ответ на бездумную жизнь людей, жизнь вне Пути или вне Морали, ибо Дао — моральный Закон Вселенной. И коснулось уже всего человечества. Вот и современные японские писатели обеспокоены потерей человека, от которого остались одни осколки, искусство не может выразить при помощи этих осколков драму целого человека: «Нам методично внушают мысль, что мы обломки и ничего более»⁵.

В трагическом XX веке философы признали сознание «несчастливым», человека «одномерным». Герберт Маркузе в книге «Одномерный человек» (1964) видит причину в инерции, однонаправленности сознания, когда прошлое предается забвению, сознание не меняется качественно, принимает ложь за истину. Происходит тотальная интеграция человека в общественный загон, что порождает «образец одномерного мышления и поведения». Эволюция снабдила человека мозгом, но он, похоже, не научился им пользоваться. И научится ли? И что же тогда Человек? Мартин Хайдеггер пишет: «Ни одна эпоха не

² Бердяев Н. А. *Философия свободного духа*. М., 1994, с. 327.

³ Китайские мудрецы цит. по сочинениям китайской классики, изданным в Японии. Лаоцзы, т. 6, Токио, 1968. Ицзин (Книга Перемен), включая комментарий «10 крыльев». Т. 1. Токио, 1966, и др.

⁴ Ралф Эмерсон. *Генри Торо*. Сочинения. М., 1986, с. 64.

⁵ Мисима Юкио. О защите культуры // Тьюокорон, № 7, Токио, 1968.

имела столько разнообразных знаний о человеке, как нынешняя. Ни одна эпоха не могла так быстро и легко получать эти знания, как нынешняя. Но ни одна эпоха не знала так мало о том, что такое человек, как нынешняя. Никогда человек не был до такой степени проблемой, как в нашу эпоху»⁶.

Наш западный антропоцентризм явился следствием одномерного, линейного мышления, признающего издавна, опять же — по следам Фалеса, Анаксимена, Анаксимандра и др. — одно начало, будь-то Перводвигатель, Огонь, Вода или «богоравный человек», что обусловило характер линейной дискурсивной логики, не знающей отклонений, признающей причинный ряд за изначально данный. Отсюда склонность к культовому догматическому мышлению: «так, а не иначе». И определение «человека разумного» — «*homo sapiens*» — таит в себе опасность, акцентируя одну лишь сторону: «разумность», доведенную Декартом до завершения: «мыслю, значит существую»⁷. Таким образом, полнота человека заменена одной лишь мыслительной функцией, обернувшейся односторонним рационализмом. В классификации Линнея человек — «рациональное животное»⁸. Не удивительно, что в оборот входят понятия «человека машины» или «*homo faber*» — человек «животное, производящее орудия» (Б. Франклин). «Человек, не пожелавший быть образом и подобием Божьим, делается образом и подобием машины»⁹, «призраком машины» — по А. Кестлеру, — толкающей человека к самоуничтожению.

На протяжении всего XX века Запад, увлекаемый техническим соблазном, в действиях своих опирался на привычную логику, экспериментальный метод и безусловность научных доказательств. Но именно в научной среде — в это же время — созревает сомнение в возможностях «человека разумного»: «Мы столкнулись реально в научной работе с несовершенством и сложностью научного аппарата *Homo sapiens*... *Homo sapiens* не есть завершение создания, он не является обладателем совершенного мыслительного аппарата. Он служит промежуточным звеном в длинной цепи существ, которые имеют прошлое и, несомненно, будут иметь будущее». Вчитайтесь внимательно в эти слова! Это Владимир Иванович Вернадский.

И далее — пророческий его вывод: «Создается новая своеобразная методика проникновения в неизвестное, но которую образно (моделью) мы не можем себе представить. Это как бы выраженное в виде „символа“, создаваемого интуицией, т. е. бессознательным для исследователя охватом бесчисленного множества фактов». Это уже подход, который на буддийском Востоке называют Металогикой или логикой Целого. Вернадский опередил свое время. Именно эту методику осваивает современная синергетика, соединяющая научную точность с художественной интуицией, привлекая язык символов и, тем самым, выводя научную творческую мысль за пределы известных нам логик И снова — Вернадский: «Личность опирается в своих научных достижениях на явления, логикой (как бы расширенно мы ее ни понимали) не охватываемые. Интуиция, вдохновение — основа величайших научных открытий, в дальнейшем опирающихся и идущих строго логическим путем, — не вызываются ни научной, ни логической мыслью, не связаны со словом и с понятием в своем генезисе... наиболее глубоко и интересно она охватывается философией индусов»¹⁰.

Радетели благоговейного отношения к жизни вызывают к «человеку гуманному», но все идет, как шло. Мы, человечество, продолжаем разрушать Природу а, значит, и самого человека; национальные, метафизические проблемы, требующие усилия ума, решаются силой. И

⁶ Вестник истории мировой культуры, 1964, № 5, с. 46.

⁷ Вот ход его рассуждений: «Вместо созерцательной философии... можно создать практическую, посредством которой, познав силу и действия огня, воды, воздуха, звезд, небес и всех других окружающих нас тел... мы сумеем употребить эти вещи для всех употреблений, какие им свойственны, и сделаться таким образом хозяевами и властителями природы» (Декарт. «Рассуждение о методе», 6). (Но те же «элементы-семена» на Востоке предопределяли характер человека и дух эпохи.)

⁸ По мнению Герцена, *homo sapiens* — «лишь озорная выдумка Линнея».

⁹ Бердяев Н. А. Философия свободного духа. М., 1994, с. 324.

¹⁰ Вернадский В. И. Размышления натуралиста. Научная мысль как планетное явление. М., 1977, с. 55, 57, 111.

по-прежнему трудно не согласиться с Бердяевым: «Когда могущество государства и нации объявляется большей ценностью, чем человек, то в принципе война уже объявлена... Ненависть и убийство существуют лишь в мире, где люди стали объектами. Война в сущности определяется структурой сознания. Победа над возможностью войны предполагает изменение структуры сознания»¹¹.

В этом суть! Ничего не изменится, пока не изменится человек, мера вещей, а человек изменится, когда сознание освободится от одномерности. Сохранить мир в целостности может лишь целостный ум, не отделяющий разумность (праджню — на языке буддистов) от сострадания (каруны): одного нет без другого. Для этого, действительно, должна произойти «человеческая революция» или революция в сознании, чтобы предотвратить уничтожение одного во имя другого. А то, что целостное видение доступно и человеку так называемой Западной цивилизации, свидетельствуют жизнью своей сами ученые, которые, меняя собственное сознание, меняют свое отношение к миру. И, будем надеяться, — постепенно наше, общее.

Интуиция целого позволила Нильсу Бору открыть двуединство вещей, универсальный характер дополненности, не только волны и корпускулы в природе света, но в национальных культурах и в человеческой психике: «вся система понятий классической физики, доведенная до такого изумительного единства и законченности трудами Эйнштейна, основана на некоторой предпосылке, прекрасно соответствующей нашему повседневному опыту и состоящей в том, что можно отделить поведение материальных объектов от вопроса об их наблюдении... мы же должны обратиться к совсем другим областям науки, например, к психологии или даже к особому рода философским проблемам, с которыми уже столкнулись такие мыслители, как Будда и Лао Цзы, когда пытались согласовать наше положение как зрителей и как действующих лиц в великой драме существования». И не раз Нильс Бор еще возвращается к этой мысли: «в древневосточной философии это подчеркивается мудрым советом: добиваясь гармонии человеческой жизни, никогда не забывай, что на сцене бытия мы сами являемся как актерами, так и зрителями»¹².

Мировоззрения Запада и Востока связаны именно Боровским принципом дополненности, т. е. они не отторгают друг друга, не противоборствуют, не противоречат друг другу и друг друга не исключают, а только взяты вместе, в своем мировоззренческом двуединстве, дают человеку целостную полноту. Хотя даже основные, привычные нам понятия часто рассматривают по-разному. Остановимся, к примеру, на слове «гармония» из только что приведенной цитаты: мы ищем гармонию, находим или стремимся к ней, она для нас символ благополучия и красоты. Но у древних греков Гармония — дочь бога войны Арея и богини любви Афродиты. Уже в мифах заложен закон противоборства, жесткой связи противоположностей, соединяемых волей человека. В «Одиссее» Гомера «гармонии» означали «скрепы»: Одиссей сбивает корабль гармониями. Правда, вы, может быть, возразите, что пифагорейцы понимали гармонию как музыку сфер, внутреннюю связь, придающую устойчивость Космосу. Но ведь тоже скрепы! И мудрейший Гераклит убежден, что «противоположность сближает, разнообразие порождает прекраснейшую гармонию, и все через распрю создается» (Фр. В 8). Через распрю, заметьте! Т. е. гармония не столько имманентна Бытию, сколько творится человеком. На протяжении всего античного искусства, да и теперь, гармонию понимают как соразмерность, симметрию, пропорциональность. Но ее, гармонии, как правило, нужно специально добиваться.

А даосы говорят: «Я слышал от Учителя, что человек, пребывающий в Гармонии, во всем подобен другим вещам. Ничто не может ему повредить, увести с пути. Он же может все: проходить сквозь металл и камень, ходить по воде и огню (Лецзы, гл. 2). Для греков человек всегда выделен как противостоящее внешнему миру: он входит в ту же реку (по

¹¹ Николай Бердяев. О рабстве и свободе человека. (Опыт персоналистической философии). Париж, 1939, с. 130, 136.

¹² Нильс Бор. Атомная физика и человеческое познание. М., 1961, с. 35–36, 113.

Гераклиту), а на него набегают новые волны. Для даосов сам внешний человек подобен воде. Для них гармония — естественное свойство самих вещей, их упорядоченный ритм, не нуждающийся в человеческих усилиях и включающий в себя человека, доступен мудрецу, хранящему естественное спокойствие. «В Пути Природы — все в движении, не останавливается. Поэтому и образуется тьма вещей. В Пути предков — все в движении, ничто не останавливается, потому их и чтут в Поднебесной. В Пути мудрых все в движении, ничто не останавливается, поэтому нет никого, кто превосходил бы их. Кто постиг Путь Природы, Путь мудрости, Путь предков и четырех времен года, тот все предоставляет самодвижению, себя не выставляет, пребывает в покое» («Чжуан-цзы», гл. 13). По Лаоцзы, «покой есть главное в движении», и только тогда, не разрушая естественного хода вещей, общему Дао мироздания, человек, «совершенствою духовную силу (дэ), распространяет Гармонию (хэ)».

Итак, Гармония-хэ есть некое поле, благодаря которому все пребывает в подвижном равновесии, способно к резонансу, сердечному отклику: одно отзывается на внутренний зов другого, ибо все имеет свое сердце (синь)¹³. Говоря словами мастера Дзэн Дайсэцу Судзуки, «каждый миг человеческой жизни в той мере, в какой он стал выражением внутренней сути, изначален, божественен, творится из Ничто и не может быть восстановлен. Каждая индивидуальная жизнь, таким образом, есть великое произведение искусства. Сумеет или не сумеет человек сделать ее превосходным, неподражаемым шедевром, зависит от степени его ощущения Пустоты, действующей в нем самом»¹⁴. «Пустота», естественно, тоже не наша, не пустое место, а незамутненная суетностью Полнота, опять двуединство и дополнительность.

Любое существо, от цветка до человека, имеет свой центр, свою душу-сердце, через сердце сообщается с Небесным Дао, что и делает все единым. «Если у Вселенной одно Сердце, значит, каждое Сердце — Вселенная», — скажет японский проповедник Учения о сердце — Сёо. Потому такое значение со времен древних даосов придавали чистому, искреннему сердцу. Внешнему человеку предстоит преодолеть свою вторичную природу, очистив сердце-разум, обуздав страсти, вернуться к себе истинному, изначально-целостному. И так будет, сколько бы ни сопротивлялось наше эго, ибо таково Дао человека. В древнем комментарии к Ицзину «Шогуа-чжуань» сказано: «В древности совершенномудрые создали [учение] о Переменах, чтобы следовать Законам (Ли), изначальной природе (син). Установили путь Неба и назвали его Инь-Ян. Установили Путь Земли и назвали Мягкость-Твердость. Установили Путь человека и назвали его Человечность (Жэнь) и Справедливость (И). Соединив эти Три потенции, удвоили их. Потому в гексаграмме шесть черт»¹⁵.

Поскольку «каждое сердце — Вселенная», чрезвычайно интересным и, по-моему, близким западному менталитету, сохраняя всю глубину восточного, представляется мне вывод Карла Густава Юнга: «Личность есть Дао». Это соотносится и с Нильсом Бором, ибо Дао — одновременно — созерцательное инь-зритель, и деятельное ян-актер. Вот как формулирует сам Юнг: «Неоткрытая вена внутри нас является жизненной частью психики, классическая китайская философия называет это внутренним путем Дао и сравни-

¹³ По наблюдению Дж. Нидэма: «Они реагировали друг на друга не столько по механическому импульсу или причинности, сколько через своего рода непостижимый резонанс... Гармония воспринималась ими как основной принцип миропорядка, спонтанного и органичного» (*Needham J. Science and Civilisation in China*, 2. Cambridge, 1956, p. 281, 283).

¹⁴ *Suzuki D. T. Mysticism. Christian and Buddhist. L., 1957, p. 31.*

¹⁵ Всего «пять постоянств» — пять изначальных свойств природы человека: человечность, чувство справедливости, учтивость, разумность, искренность; они соотносятся с другими пятирицами, с пятью типами энергий: дерево, огонь, земля, металл, вода, т. е. физический и нравственный мир нераздельны; нарушается одно, страдает другое. Если постоянства находятся в правильном порядке «взаимопорождения», то образуется круг, если в неправильном — «взаимопреодоления», — то образуется звезда. Все эти качества находятся в сердце человека; когда он отступает от Пути, начинаются стихийные бедствия.

вает с потоком воды, который неумолимо движется к цели. Остаться в Дао означает достижение целостности, свершение чьей-либо судьбы, выполнение чьей-либо миссии; начало, конец и полное свершение чьей-либо судьбы, выполнение чьей-либо миссии; начало, конец и полная реализация смысла экзистенции вложены во все вещи. Личность есть Дао»¹⁶. Это та целостная личность, которая должна восторжествовать в нас в результате революции сознания. Это, будем надеяться, мы — впереди, в близком будущем, если хотим сохраниться как человеческий вид. Потому что (далее — опять Юнг): «Для нас сознание без Эго — нечто труднопредставимое... Эго является необходимым моментом сознания. Восточное мышление, однако, без труда представляет себе сознание, свободное от Эго... когда сознание переходит в высшие формы, Эго полностью исчезает».

Целое — в восточной традиции — имманентно Бытию, оно не складывается из частей, не навязывается извне, а произрастает изнутри, как зерно. При этом следует помнить то, с чего Лаоцзы начинается «Даодэцзин»: «Явленное Дао не есть истинное Дао». Т. е. все явленное — лишь малая толика неявленного, но истинно-сущего, спонтанности, изначальной полноты Небытия (У): «В Поднебесной все рождается из Бытия, а Бытие рождается из Небытия» («Даодэцзин», 40). Это, как видите, перекликается со «спонтанностью» Василия Васильевича Налимова. И относится также и к человеку. Есть внутренний, прдвечный Человек, каким ему назначено быть по воле Неба, и есть внешний, частичный, недопроявленный, явленный в этом мире. Именно в этом, недопроявленном, агрессивно настырном, видит Юнг главную, может, для нас опасность: «На Востоке внутренний человек всегда имел настолько сильную власть над внешним человеком, что окружающий мир не имел ни малейшего шанса оторвать человека от его внутренних корней; на Западе внешний человек получил настолько значительный перевес, что в конце концов отделился от своей глубинной сущности»¹⁷.

Действительно, человеку, воспитанному в традициях западной цивилизации, трудно расстаться с представлением о себе как о главном и несопоставимым ни с кем и ни с чем вокруг, в самом мироздании, субъекте, для которого все кругом — объект. А восточная традиция, Ицзын — в частности, настойчиво напоминает ему, что не все, далеко не все, от него зависит, что существует естественный и непреложный ход вещей, что оппозиция субъект-объект — не более чем удобное, но крайне опасное упрощение этого естества, и что, не считаясь с этим, человек накликает беду. Эти представления перекликаются с идеями синергетики: что бездумным вмешательством систему можно сломать, но невозможно заставить ее поступить по-твоему, если ты не желаешь считаться с естественными ее возможностями. А система эта — весь мир. Поэтому восточные учения и не ставят человека в центр, чтоб не вводить его в соблазн — видеть во всем периферию и ложное свое всемогущество. Отсюда и постулат надеяния. «Человек следует Земле, Земля — Небу, а Дао — самому себе. («Даодэцзин», 25). Надеяние — это ведь разумное действие, не нарушающее Дао («умное делание» на языке христианских святых).

В поисках целостности западная мысль все настойчивее обращается к Востоку, ибо были там свои беды, но не было раздвоения сознания. Кто из крупных ученых XX века ни обращался к восточным учениям! Из писателей сразу можно назвать Германа Гессе: «Возвратиться к вселенной, отказаться от мучительной обособленности; стать Богом это значит так расширить свою душу, чтобы она снова могла объять вселенную... Этим путем шел Будда, им шел каждый великий человек»¹⁸. В «Игре в бисер» ощутимо влияние Книги перемен, которую Герман Гессе ставил чрезвычайно высоко: «Мудрость Китая

¹⁶ Цит. по: *Князева Е. Н., Курдюмов С. П.* Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. М., 1994, с. 147. И совсем не случайно к мысли Юнга обратились ученые-синергетики, сторонники целостного подхода, воплощая Дао на языке науки.

¹⁷ Там же, с. 199.

¹⁸ *Гессе Г.* Избранное. М., 1977, с. 258.

меня вдохновляет больше, чем Упанишады или Веданта. Ицзин может изменить нашу жизнь»¹⁹. Так не пора ли всерьез задуматься — почему? И почему Лев Толстой восхищался мудростью Конфуция и содействовал переводу Лаоцзы. Только встречное движение мысли — Востока на Запад и Запада на Восток, законов Дао и законов Логоса, их взаимопроникновение в нашем восприятии Мира — ведут нас к спасительной (воспользуемся известным выражением Лейбница, тоже отдавшего дань Книге перемен) «предустановленной гармонии».

¹⁹ Цитирую по: *Capra*. The Tao of Physios, an Exploration of the Parallels Between Modern Physics and Eastern Mysticism. London. 1971, p. 17.